

АНДРЕЙ СТРАКАНОВ

ОБРАТНАЯ СТОРОНА ЗЕМЛИ

СТО ШАГОВ НАЗАД

Сто шагов назад

Андрей Страканов

Обратная сторона Земли

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Страканов А.

Обратная сторона Земли / А. Страканов —
«Мультимедийное издательство Стрельбицкого», — (Сто
шагов назад)

«Обратная сторона Земли» — третья книга серии «Сто шагов назад». Что принесет людям контакт с иным разумом. Новые знания, развитие, просветление или войну, гибель?.. А что если именно ты окажешься первым человеком, который положит начало пусть не самому контакту человечества с иным миром, но, возможно, тому, каким он станет! Бесспорно, крайне важно то, что это в итоге даст Земле. Но что извлечешь ты?

Содержание

Книга третья	5
Часть первая	7
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Андрей Страканов

Обратная сторона Земли

Книга третья

Нет сомнения, что на восприятие человеком времени, как одного из доступных нам измерений, влияет множество самых разнообразных факторов. Но есть среди этого множества два, которые, пожалуй, влияют на это восприятие сильнее других.

Первый из этих факторов – возраст человека. Каждый, наверно, помнит, как тянулось время в самом начале жизни – в пору беззаботных молодых игр и забав. Дни тогда были бесконечны – казалось, что это время не кончится никогда. И каждому тогда очень хотелось поскорее стать взрослыми, всем надоели до чертиков запреты старших вроде «тебе это еще рано» или «вот подрастешь, тогда будет можно». Взрослая жизнь манила, нет – она властно звала к себе! И каждый, как мог, стремился ускорить время... но ни «взрослые» прически и одежда, ни подражание взрослым в их привычках вроде курения сигарет не приближали почему-то к заветному мгновению ни на шаг... Время не обманешь.

А потом, с какого-то не особо-то и заметного момента, время само вдруг начало неумолимо убыстрять свой бег. Та самая взрослая жизнь, что так манила нас в юности, на поверку оказалась настолько переполненной повседневными делами и заботами, что теперь некогда даже просто остановиться и оглянуться! Дни уже не просто сменяются днями, они теперь перестали казаться нам бесконечными, как это было в детстве и ранней юности. Совсем наоборот – они мелькают все быстрее, словно кадры какого-то фильма, словно нескончаемая череда пейзажей за окном какого-то экспресса. И однажды ты вдруг понимаешь, что просто не успеваешь их считать – эти мелькающие пейзажи-дни! Недели сами собой сливаются в месяцы, месяцы в годы... Промелькнул год, промчалось десять... И вот вы замечаете, что вагонах того экспресса, пассажиром которого однажды становиться каждый из нас, который следует одним и тем же маршрутом уже целую вечность и имя которому – Жизнь, появляются первые признаки прибытия в очередной пункт назначения. Постепенно исчезают из коридоров вашего вагона празднующие пассажиры – случайные попутчики. Да и гулянок в купе становится меньше. Правда мир за окнами по-прежнему еще несется нескончаемой чередой, все так же мелькает. Дерево, другое, третье. Верстовой столб. Чей-то дом, а во дворе стайка детишек, глазеющих на пролетающий мимо экспресс из-под чумазых ладошек. Проскочил за стеклом придорожный огорожок с парочкой копающихся на грядках, пожилых пенсионеров, чем-то так похожих на ваших родителей... А следом за ним еще один. И другой... Целая вереница! Вдалеке, между деревьями, мелькнул деревенский погост. Проходит перед глазами чья-то жизнь. А может быть своя собственная?...

И вот наконец очередная станция. Ваша? Да кто бы знал... Вроде поезд и замедляет свой ход, но... все еще летит! Промчались... Примчались. И только под конец, перед самым перроном, поезд почти останавливается и тянется уже совсем медленно. Все ваши попутчики, ставшие за это время для вас кто просто знакомыми, а кто и хорошими друзьями, вместе с вами выглядывают в окна вагона – кто с любопытством, кто с грустью, кто с тревожным ожиданием. Сердце замирает в томительном предчувствии – ну, когда же? И вот он, последний толчок. Все. Приехали. Кому-то на выход. И поезд полетит к другому полустанку, навсегда оставив здесь кого-то, навсегда кого-то увозя ...

О чем это мы? Ах, ну да! О времени...

Вторым фактором, тоже существенно влияющим на восприятие человеком этой физической величины, именуемой еще «четвертым измерением», является наличие в его жизни

собственных интересов. Не может человек жить без интереса, без какой-то цели. Без этого он неизбежно потеряет ощущение времени. А потеряв это ощущение, он неминуемо потеряет и саму жизнь, просто напросто выпадет из нее, раз и навсегда превратив ее бессмысленную серую ленту Мебиуса – эдакий бесконечный заколдованный круг, разорвать который потом бывает очень и очень не легко. А для кого-то и вовсе невозможно...

Психологи как-то провели простой, но довольно убедительный эксперимент. Одной группе испытуемых они предоставили в распоряжение компьютеры с различными интересными игровыми программами, а другую, располагавшуюся в этот момент в совершенно пустой соседней комнате, попросили просто посидеть и подождать. А через десять минут этим группам предложили поменяться местами. И все повторили заново. О результатах этого эксперимента можно было бы здесь и не говорить, все и так понятно. Вполне естественно, что тот кто ждал, сказал потом, что в ожиданиях прошло гораздо больше времени, чем за игрой. Причем в обоих случаях назывались, как вы понимаете, временные отрезки отнюдь не в десять минут.

И вот ведь что удивительно – время, проведенное за игрой в детстве, казалось нам бесконечным. Для нас же, но уже взрослых, в подобной же ситуации оно, тем не менее, почему-то сжимается. Кто-то может возразить – мол, во всем виновато наше субъективное восприятие. Да никто с этим и не спорит, конечно это так! Просто тут все дело упирается в возраст. Субъективность восприятия это и есть производная возраста. Короче – смотри первый фактор.

Удивительная и совершенно необъяснимая штука – время. И насколько же тесно связано оно с человеческим сознанием! Время как бы и не существует отдельно от человеческого сознания. Без него оно – просто безразмерная ВЕЧНОСТЬ, нечто без начала и конца. Человеческое сознание – вот настоящее мерило времени. Не часы на руке, нет! Часы это лишь слепой инструмент, придуманный людьми, эдакая линейка для времени. Можно ли измерить линейкой Джоконду? Конечно можно, да только что это вам даст? Размеры полотна, толщину или ширину рамы? Но разве об этом думает человек, стоя перед картиной?

Вот и часы для процесса восприятия времени, являются приблизительно такой же «линейкой». И подчас толку от них в этом деле для человека не больше, чем, скажем, любителю и истинному ценителю трубки или сигар – от газоанализатора. Химический состав дыма этот тонкий прибор определит достаточно точно. Но вот сможет ли он понять, сможет ли передать, описать вкус дорогого сигарного табака, прихотливо переплетающийся с тонкими, изысканными ароматами коньяка и кофе – этих неперменных спутников настоящей сигары? То-то и оно, что нет!

Время тоже надо почувствовать всем своим существом для того чтобы действительно понять его летучий, неподвластный человеку бег – то плавный и неспешный, как ленивое течение полноводной реки, то резкий, стремительный, как внезапный порыв ветра.

Время, время... Его нельзя ни увидеть, ни потрогать. И тем не менее оно всегда здесь и оно поистине всемогуще. А как оно коварно! Столько странного и непонятного может оно играючи сотворить с человеком за один только свой короткий миг, как удивительно и непостижимо быстро может изменить мир вокруг нас!

И внутри...

Часть первая

Прошло уже целых два месяца с того момента, как в Москве случились те невероятные, фантастические события. Два месяца... Или все же правильнее было бы сказать – всего? Ну, это смотря для кого.

Все – практически все, кто так или иначе оказался тогда втянутым в них, давно вернулись к своей обычной жизни. Старушки-свидетельницы уже и не вспоминали те удивительные, странные исчезновения загадочных людей в призрачном, зеленом пламени – какие-то новые, свежие события занимали их внимание теперь. Ушлый журналюга, так и не дождавшись новых фактов, и не написав продолжение к своей первой статье, занимался сейчас уже совсем другими материалами. Художник-дизайнер архитектурного бюро Тамара постепенно перестала вздрагивать при виде фигур, одетых во все черное – она смогла справиться со своим страхом, победила его – а как же еще иначе избавиться от страха, если не победить его?

В общем все потихоньку опять пошло своим путем. Это ведь только поначалу кажется, что после значительных событий уже не будет возврата к прежней, привычной жизни, что-то поменяется бесповоротно. Но это всего лишь самое обычное заблуждение, не более.

Время, время... Великий врачеватель, который рано или поздно залечивает все душевные раны и все ставит на свои места! Наверно только для двух мелких бандитов-автоподставщиков, да еще для трех пляжных недоумков-хулиганов жизнь после тех событий так и не вернулась в свое обычное русло. И то только потому, что первые просто навсегда с этой жизнью распрощались, ну а вторые... Вторые так и остались на всю их дальнейшую, ничемную жизнь «тварями дрожащими». Им-то как раз никогда уже не суждено было справиться со своими страхами, то, что они увидели однажды так и осталось, затаилось внутри каждого, готовое при каждом удобном случае шевельнувшись, напомнить о себе, заставить судорожно биться сердце. Что ж, наверно и поделом им, хотя не нам, пожалуй, о том судить!

Время, время... Время ведь не только великий врачеватель, оно еще и великий обманщик. Когда-то, давным-давно, сговорилось оно с таинственной и непостижимой Мнемозинной – властительницей человеческой памяти и вот теперь на пару лукавят они с людьми, из раза в раз заставляя нас верить в то, что все пройдет, что все плохое забудется... Впрочем это и не удивительно, ведь врачи тоже – немного обманщики.

...Следователь бросил взгляд на единственное в его комнате окно. Умопомрачительная, изматывающая жара, так долго мучавшая москвичей этим летом, давно уже сменилась прохладой, а потом и вовсе зарядили дожди. Осень в этом году, похоже, очень рано решила заявить свои права на природу...

Он перевел взгляд на свою правую руку и машинально поправил новенькое, блестящее обручальное кольцо, красовавшееся на безымянном пальце. Нет! Безымянным он был раньше, а теперь вместе с этим кольцом у него появилось и собственное имя. Лена, его Еленчик.

Следователю все еще непривычно было ощущать на пальце благородный полированный металл, но то были чувства только на уровне чисто физическом, в психологическом же плане привыкание к новой роли мужа произошло у него удивительно быстро – он даже и сам не ожидал этого. Поначалу ему все казалось, что процесс взаимного привыкания, притирания двух характеров будет проходить у них медленно. Но...

Уже через месяц он и не мыслил собственное существование без молодой жены. Быть может это было просто очарование медового месяца? Возможно. Только сейчас ему казалось, что так для них с Леной будет теперь вечно. Как в добрых детских сказках, где двое

влюбленных рано или поздно находят друг друга, и всегда потом живут долго и счастливо, а если уж и приходит им однажды печальный срок, то непременно в один день. А разве может быть как-нибудь иначе? Счастье для двоих только тогда и будет настоящим счастьем, когда все у них вместе, все пополам. И радости, и печали...

Сегодня вечером они с Леной собирались после ужина пойти прогуляться, как они это стали теперь называть, «куда глаза глядят». Скажите, ну что может быть лучше такой прогулки – когда ты не обременяешь себя мыслями куда именно вам идти, и именно потому, что главное-то совсем не то куда идти, главное – с кем! Идти, говорить, постигать другого, любимого тобою человека. Учиться читать его мысли и угадывать желания. И ловить себя самого на мысли, что и ты, и она подсознательно ожидаете, думаете о том, следующем за этой прогулкой, моменте. Ну, в самом деле, не за телевизором же вечер коротать? Сколько их еще будет потом в их жизни – обычных вечеров за телевизором... Нет, не сейчас, не теперь!

И этот нескончаемый дождь за окном был сейчас совсем не к месту, не «по плану» он был. Ведь от такого дождя даже под зонтом не спрячешься, он идет, кажется, со всех сторон сразу, висит в холодном, сыром воздухе словно ледяной туман. Какая уж тут прогулка?

Но, видать, в небесной канцелярии по поводу погоды на сегодняшний день были совсем другие планы и романтических прогулок для влюбленных в тех планах точно не значилось – что ты с природы возьмешь! Осень она осень и есть. Может быть она когда и золотая, но ведь на всех-то золота не напасешься! Так что все же чаще она именно вот такая – серая, мокрая и промозглая. Как там поется в песне? «У природы нет плохой погоды, каждая погода – благодать...» Эх, кабы еще научиться эту благодать в таком дожде видеть. Сложно это, если только ты не у пылающего камина со стаканом глинтвейна в руке, а на улице... Хотя как посмотреть – ощущалось бы так остро блаженное тепло огня и напитка, если бы не продрог, не промок бы до костей перед этим...

«У бога всего много, – глядя в мокрое окно, вспомнил следователь присказку своей бабушки, тихо почившей уже больше двадцати лет назад и возможно даже не слышавшей эту песню. – Да уж, в однообразии Господа нашего не упрекнешь. Но только вот мокрота эта проклятая все равно задолбала». Каминном он пока еще не обзавелся.

Хотя промозглая серость за окном и не настраивала на позитив, но и особой меланхолии предаваться ему все же было некогда. Ведь кому-кому, а следователю, уж извините за каламбур, дело всегда найдется. И действительно, мало что ли их лежит в шкафу и на его столе – дел-то? Самых, с виду, обычных, невзрачных картонных папок. Но иногда бывают моменты, что не знаешь за какую из них хвататься! Хорошо хоть, что все они в основном скрывают в своем казенном картонном «чреве» разную мелочевку – «бытовуху без мокрухи», как выразился когда-то балагур и любитель анекдотов Генка Проскурин.

Главное, чтобы не наоборот было. От таких дел – упаси, господь! Потому, что обратное – «мокруха без бытовухи», это та еще заноза. Нередко раскручивались такие дела очень тяжело, медленно и мучительно, ибо были они по большей своей части преступлениями продуманными, тщательно подготовленными и спланированными.

Тут уж одно из двух. Либо это чей-то заказ, а это вполне уже может означать в перспективе уверенный висяк (тут с процентом раскрываемости, увы, всегда была проблема), либо – осознанная, трезво и всесторонне продуманная необходимость, что по сложности ставило подчас такое убийство практически в один ряд с заказным. Да собственно и вся-то разница тут была пожалуй только в исполнителе. В первом случае это был нанятый кем-то, хладнокровный киллер (к слову – далеко не всегда профессионал), во втором – сам же инициатор убийства, иногда не уступающий по своей смекалке и мастерству тому самому профессионалу.

В общем подобные преступления просто так, что называется – «с кондачка», не делались, а следовательно и улики, зацепки, свидетелей и следов в этом случае практически не оставалось. И тут уж как хочешь, так и крутись.

В общем не стоило гневить бога своими сетованиями на полный завал дел. Если уж по-честному, то все эти папки на его столе – по большому счету обычная ерунда, ежедневная рутина. Как и многое в этой жизни. Мало что ли ее, рутины этой? Да хватает, еще и с избытком. Но ведь никто и не говорил, что будет легко! Так что лопату в руки и вперед. Как говориться – бери больше и кидай дальше. А пока летит – отдыхай.

Та странная и удивительная история, приключившаяся этим летом, уже воспринималась им теперь скорее как некая фантазия, необъяснимая игра его собственного воображения. Все, что он тогда увидел, все что узнал об этих невероятных событиях, все это сместилось у него сейчас в область тех воспоминаний, про которые собственный разум с тихим изумлением говорит: «Ой. Неужели все это действительно было со мной?...» Он не рассказывал об этом никому. Даже жене, хотя казалось бы ей-то, единственной, наверно и можно было бы всё рассказать.

Его честолюбивым планам приподняться по службе, самолично распутав это непонятное, фантастическое дело с таинственно исчезавшими, якобы сгоравшими без следа людьми, которые оказались в результате самыми настоящими космическими пришельцами, воплотиться в жизнь, увы, было не суждено. Официального продолжения расследования в рамках которого можно было бы представить всё то, что он смог раскопать, почему-то так и не последовало. Видно в тот момент звезды в этом самом космосе не так встали, вот и не срослось. Хотя по трезвому размышлению, позже, он пришел к выводу, что иначе, скорее всего, и быть не могло. И может быть – к лучшему.

Ведь после того, как Сергея Владимирского, главного участника и свидетеля по тому делу, прямо у него на глазах утащили на своей летающей тарелке с московской кольцевой дороги его могущественные инопланетяне-заступники, все его расследование потихоньку, как-то само собой заглохло и развалилось. Что, в общем-то, было и не удивительно. Если честно, то даже и со свидетельскими показаниями самого Владимирского во все это трудно было бы поверить – шутка ли сказать! Космические пришельцы, телепортация, тарелки и все такое прочее. И, вдобавок, доблестный мент, который не понятно зачем и по чьему распоряжению за ними гонялся. Чистый бред, да и только! В качестве сюжета для фантастической книги это подойдет. Может быть даже как сценарий для Голливуда – у них там, в Америке, копы очень любят в фильмах за инопланетной нечистью гоняться! Но уж точно не как предмет для официального разбирательства в Органах Внутренних Дел РФ.

Поэтому показания остальных свидетелей по тем таинственным исчезновениям людей, неподтвержденные – увы! – реальными, задокументированными фактами с одной стороны и показаниями самого Владимирского с другой, заняли в результате свое место в папке с малозначимым для постороннего взгляда номером 12/7-201. А сама папка, в свою очередь, отправилась пылиться в его сейф, в самый дальний угол, на полку. До поры, до времени, если не навсегда. Ведь кроме того, что удалось «насобирать» ему самому, и давно замятого факта странного происшествия в метро, во всем этом деле оставалась еще только одна реальная зацепка, о которой было известно еще кому-то. Та машина. Но, насколько ему было известно, с ней, а также с найденным в ее салоне автоматом, в рамках официально рассматриваемой в ГИБДД версии тоже вроде бы все было более-менее понятно. И значит с ТОЙ стороны продолжение тоже вряд ли последует.

Для гаишников очень важным и полезным в той истории оказалось то, что похищенное оружие все же нашлось-таки, причем нашлось достаточно быстро. Уже на следующий день, через считанные часы после своей пропажи автомат «вернули». Ну, а главным, несомненно, было то, что никого за это время из него не грохнули – при проверке сразу определили, что

все патроны остались в магазине, да и сам ствол был чистый, «нестрелянный». Все это само по себе уже было для гаишников большой удачей, и в первую очередь для незадачливого хозяина найденного калаша. Учитывая все «положительные» обстоятельства происшествия, «дорожники» дело это тогда быстренько закрыли, даже лейтенантику тому выговор вынесли устно, что бы не поднимать лишнего шума, чему тот был рад несказанно. В общем дело натурально замяли, не вынося, как это говорится, сор из избы. Тем более, что и у них никаких логичных объяснений произошедшему найдено так и не было. Да и спросить-то теперь было уже не с кого.

Все это следователь знал доподлинно. Через родственника своего знакомого и бывшего сослуживца, который работал в Главном управлении ГИБДД Москвы, ему удалось выяснить на только «судьбу» машины. Он узнал также, что последний из ее владельцев (гаишники нашли-таки данные на него), некто Хохлов, буквально через пару дней после той аварии закончил свой жизненный путь, покончив с собой в туалете психиатрического отделения одной из московских больниц и не хватило буквально нескольких часов, чтобы взять его. Когда об этом стало известно в ГИБДД, то там сочли сей факт за некий «добрый знак свыше». Ещё один, вкуче с отысканным автоматом. Теперь одним (и практически единственным) свидетелем и участником этого происшествия стало меньше и это давало им дополнительный повод дело замять.

Как выяснил следователь, тогда все еще интересовавшийся по инерции деталями этого дела, свои счеты жизнью этот самый Хохлов свел весьма банальным способом. Просто вскрыл себе вены. Тем не менее это было очень странно, потому что не так-то и просто совершить самоубийство в медицинском учреждении, да еще и, ко всему прочему, профильного направления. А ведь попал он туда, между прочим, сразу же после первой своей, аналогичной, но неудачной попытки суицида, из чего следовало, что контроль за ним после этого наверняка должен был быть не шуточный.

Так или иначе, но сейчас на вопрос зачем ему могло понадобиться оружие, как ему удалось забрать автомат у патрульного с «летучего голландца» и почему тот ничего об этом не помнит, Хохлов уже никому и никогда ответить бы не смог. И следователю, пожелай он теперь докопаться до истины, только одно, наверно, и оставалось – прибегнуть к помощи магии спиритического сеанса, чтобы вызвать для «дачи показаний» Хохловский дух из тех мрачных мест, где обретаются души самоубийц. Поскольку в загробный мир следователь не верил, будучи в душе своей убежденным материалистом, то и идея эта даже в шутку не могла придти к нему в голову. Стоит, правда, отметить, что и в инопланетян и прочие фантастические вещи он тоже до некоторых пор не верил...

Нет, конечно же автомат мог быть похищен и теми злобными, прозрачными пришельцами. И это было даже более вероятно, учитывая их фантастические способности, а в них-то следователю довелось убедиться самолично. Но кто ж теперь про все это сможет рассказать, кто откроет ему завесу тайны? Да и нужно ли это теперь кому-то?

«А все же у этого Хохлова, – думал следователь, – были, надо полагать, весьма и весьма веские основания для того, чтобы решиться на такой крайний шаг, как самоубийство, если уж он с такой настойчивостью, ей-богу достойной лучшего применения, смог-таки добиться своего!» Эх, знать бы, что это были за основания!

Хохловский «подельщик» и приятель, некто Корнеев (с которым, как это выяснилось чуть позже, они на пару занимались подставами на МКАДе), также теперь вряд ли пролил бы свет на те события. Он самую малость пережил своего приятеля и отправился в мир иной вслед за самоубийцей-грешником Хохловым с разницей всего в какую-то пару дней.

Две эти смерти вызывали в душе следователя смутную тревогу даже сейчас, когда дело было им уже «закрыто». Он понимал, что были они отнюдь не случайными. Коли уж оказался автомобиль Хохлова и Корнеева в лапах тех таинственных, призрачных, космических тва-

рей, значит несомненно где-то пересекались с инопланетной нечистью их кривые дорожки. Что, вероятно, и привело в итоге обоих «подставщиков» к такому печальному концу. Так может они были с теми тварями заодно?

А что, очень даже возможно. Почему бы и нет? Были эти приятели, например, банальными завербованными «агентами» инопланетян – из числа местных жителей, аборигенов. Ведь врагу на чужой территории всегда нужны подручные, которые ни у кого из «своих» не вызовут подозрений! Ну, а после выполнения ими некой «миссии» те твари могли их элементарно уничтожить. Ликвидировать за ненадобностью – как отработанный материал. Или же как нежелательных свидетелей. Что ж, такой вариант тоже вполне вероятен, по крайней мере если предположить, что этой космической нечисти хоть в какой-то мере была свойственна земная логика поведения.

Но что же тогда получается? Если все так, если тут даже не обошлось дело без вербовки местного населения, то это может означать только одно. Значит тут имела место некая «широкомасштабная» операция таинственных, инопланетных сил против Земли! И, возможно, она была еще не закончена... Но тогда надо срочно что-то делать! Вот только что? И потом, раз Владимирский остался жив, а в этом теперь у него не было никакого сомнения, то он со своей стороны и сам наверняка что-то сделает. А может уже сделал.

И все же несомненно где-то что-то происходило – скрытое от внимания и понимания людей. И он, похоже, один знал об этом. Временами голова у него шла кругом от этого! Наверно поэтому-то и казалось ему иногда, что все это лишь плод его воображения, непонятно как и почему вызревший и засевающий у него в голове. Так было легче справиться с этими мыслями.

Но будь это даже и стопроцентной правдой, что с того? Без реального подтверждения все эти факты оставались лишь предположениями самого следователя, увы, слишком сильно похожими на фантазию. И их к делу, как это принято говорить, не подошьешь. Делу нужны факты. Четкие, неопровержимые. Железобетонные. А вот их-то, как раз, у следователя и не было.

И если Хохлов порезал себе вены (что само по себе не являлось чем-то сверхъестественным), то Корнеев, как следовало из информации, добытой все у того же родственника сержанта, вообще разбился на машине. Он элементарно не справился с управлением, пытаясь удрать от ГИБДД, так как был в состоянии алкогольного опьянения, и это подтверждала, проведенная уже после его смерти, экспертиза. Он перевернулся на машине, получил перелом шейных позвонков и, по-видимому, легкую и практически мгновенную смерть.

Ну уж здесь-то никакие инопланетяне наверняка повинны не были – просто не надо за рулем пить! И никого тут в чем-то ином не убедишь, да и как убедить, если и сам до конца в это не веришь. Ведь сколько их, таких, на наших многострадальных дорогах – перевертышей, лобовых или просто улетевших по пьяни в кювет! Если в каждом таком случае искать инопланетные следы, то тогда конечно придется автоматически признать факт тотального вторжения. Вот только ЭТО вторжение началось не теперь, да и начали его отнюдь не зеленые космические человечки, а свой, земной враг рода человеческого – змий. Правда тоже зеленый...

В общем все ниточки этого дела, которые возможно могли еще как-то привести к разгадке и пролить свет на эту историю для человека непосвященного, теперь оказались окончательно оборванными. И хотя у самого следователя информации на основании рассказа Владимирского и того, что он увидел сам, было более чем достаточно, но ему совсем не хотелось быть поднятым на смех коллегами. А то и получить от них (и – что еще хуже – от начальства) нелюбезный диагноз относительно своего психического здоровья в случае, если бы он решился вдруг «обнародовать» эти факты.

Будь здесь Владимирский или, на худой конец, хотя бы один из тех мелких бандитов – вот тогда можно было бы попытаться что-то доказать. Ну хотя бы попытаться! А так... В лучшем случае – все будут втайне крутить ему вслед пальцем у виска. Ну, а в худшем... Об этом даже не стоило думать.

А посему – следствие закончено, забудьте.

* * *

Следователь однако ошибался, думая, что его главный свидетель по тому фантастическому делу исчез. Вовсе нет. Капризный Случай мог бы даже запросто организовать им какую-нибудь неожиданную встречу. Не даром же говорят, что Москва – хоть и большая, но все-таки деревня. Рано или поздно, а знакомые люди однажды оказываются в этом гигантском человеческом муравейнике в одном месте и в одно и то же время. Надо просто терпеливо дожидаться такого момента. И если кто-то с кем-то еще не встретился до сих пор, то значит так угодно было Случаю. Просто не время еще для этой встречи. И не место...

Следователь и сам не раз имел возможность убедиться в этом на собственном опыте. А однажды – на тот момент прошел всего год с небольшим, как он вернулся из армии – ему даже довелось встретить за один день аж целых восемь человек, с которыми он был знаком и каждого из которых он никак не ожидал и не планировал в тот момент встретить.

Интересным в этой ситуации несомненно было и то, что один из них – первый в той странной цепочки встреч – был вообще из другого города, что уже само по себе делало шанс такой встречи ничтожно маленьким! Так вот, этим первым оказался его бывший армейский сослуживец, приехавший в Москву всего на пару дней по каким-то своим, личным делам. Столкнулись они совершенно неожиданно, на ступенях магазина «Грампластинки», который занимал тогда первые два этажа высотки на Новом Арбате, рядом с кинотеатром «Октябрь».

И пошло-поехало после этой встречи! Видно Случай в тот раз действительно расщедрился для него. А может и знак какой-то ему подавал, да только следователь тот знак не сумел понять. Поди теперь, разберись!

Попадались ему в тот день и давние его знакомые, с которыми он не виделся с доармейских времен, встречался и кое-кто из нынешних его приятелей... После четвертой такой встречи он просто перестал удивляться и только с интересом ожидал – кто же еще попадется сегодня ему на пути. «А, привет, сто лет с тобой не виделись, ну как дела?...» – к концу дня эта фраза у него буквально в зубах навязла.

А вот за одну из этих встреч, самую последнюю, произошедшую в тот странный день, ему было мучительно стыдно до сих пор, тем более, что сейчас он понимал, что поступил тогда глупо. Необъяснимо глупо и некрасиво, можно даже сказать подло. А может быть он просто устал к тому моменту от всех этих незапланированных встреч? Ну какое еще объяснение можно найти тому поступку?

В метро, ожидая после работы девушку, с которой он тогда встречался, он вдруг увидел в толпе пассажиров свою бывшую одноклассницу. Причем не просто одноклассницу, а девушку, которая все два года писала ему в армию. Нет, у них не было ТЕХ взаимоотношений, которые, по логике, должны вести к такой переписке. Или он этого тогда не разглядел, а она по какой-то причине сама не решилась подать ему знак.

Да теперь уже и не суть, дело-то прошлое. Но в армию она ему тогда писала, присылая в своих письмах стихи Евтушенко, Ахматовой и еще кого-то – сейчас уже и не вспомнить, переписанные ею на отдельные листки аккуратным, ровным, круглым девичьим подчерком. И, ей-богу, он был рад этим, пусть и не очень частым, письмам, по-настоящему рад. Но, когда вернулся, закрутила его новая гражданская жизнь, не до того стало. Да и в голову ему не пришло что-либо в ту пору выяснять...

Так вот – увидев ее тогда в метро, поняв, что и она его заметила, он вдруг... отвернулся. Сделал вид, что не заметил ее. И это после того, как их глаза нашли друг друга в толпе, встретились! Боже мой, какая же глупость! Это было как предательство, это и было предательство. Зачем? Почему? О чем он думал в тот момент?

Его девушка, с которой он в то время встречался, должна была подойти уже с минуты на минуту. Что проскочило тогда у него в голове – ее возможная ревность оттого, что она застанет их вдвоем? Или где-то глубоко в его собственном сердце, в его душе жило у него понимание, что не просто так писала ему в армию эта девочка? Может было ему от этого неудобно у нее на глазах встретиться сейчас с той, другой, которую он здесь ожидал? Может быть и так... Да только не важно это – все равно это было глупо, глупо, ах, как глупо и подло!

И Случай тогда, словно бы обидевшись на него за этот дурацкий поступок, ни с кем его в тот день больше не свел – смешно сказать, но даже та самая девушка, которую он тогда ждал в метро, не явилась к нему в тот раз на свидание. Может он и не должен был с ней встретиться? Что если именно к этой, самой последней в тот день встрече, от которой он так глупо отказался, Случай и вел его тогда? Вдруг не случайно именно армейский его сослуживец оказался тогда первым в цепочке этих встреч – ведь именно в армию писала ему та девочка, и именно встреча с армейским сослуживцем показалась ему тогда самой невероятной! Кто ж знает, кто теперь все объяснит ему... Учиться читать знаки, так кажется было сказано у Коэльо?

Вернуть все это назад, изменить что-то, поправить теперь уже было нельзя, как впрочем нельзя вернуть и изменить в этой жизни и все остальное. Ведь у каждого найдется немало такого, что захотелось бы вернуть или поправить... Или пережить заново. Но, увы! Не властны мы над временем.

Вот и с Владимирским у него теперь было точно так. Ничего нельзя изменить, ничего нельзя теперь поправить. Никакими силами не вернуть его из таинственных глубин космоса, как бы ему этого сейчас ни хотелось. Хоть головой об стенку бейся.

У следователя не было ни тени сомнений в том, где находился сейчас его главный свидетель. На звездах, в других мирах, ну а где же еще ему быть. Ведь он собственными глазами видел, как тот улетел, так какие уж тут могут быть сомнения! Да и кто бы из людей отказался бы от шанса оказаться на его месте, увидеть то, что Случай позволил увидеть именно ему? Кто поступил бы иначе?

Хотя возможно такие и нашлись бы. Более того, в своих размышлениях о возможных вариантах развития событий, для самого себя он почему-то не исключал подобный исход – у него и на Земле остаться был не менее сильный стимул. Но вот для Владимирского с его могущественными звездными заступниками предположить иного он не смог. И зря. Потому что место, где находился сейчас Владимирский, было на самом деле весьма далеко от звезд и от иных миров. По крайней мере для тех, кто составлял персонал этой маленькой, закрытой клиники.

Владимирский был в сумасшедшем доме.

* * *

– Так, давайте-ка мы с вами повторим все еще раз. С того места, как вы попали на этот ваш Арсидах. Я же правильно запомнил название?

– Правильно. Только я не вижу смысла повторять все это в сотый раз. Все рассказы мои у вас имеются. По-моему – даже в видеозаписях, и нового мне ничего добавить к сказанному, увы, не удастся.

– И все же давайте повторим. Значит вы говорите...

– Доктор! Вы просто с какой-то нездоровой, я бы даже сказал – болезненной настойчивостью добиваетесь от меня очередного рассказа, и у меня по этому поводу начинает возникать закономерный вопрос. Не догадываетесь какой?

– Я с удовольствием отвечу на ваши вопросы. Но после того, как вы ответите на мои.

Они беседовали так практически каждый день. Он много раз уже пересказывал эту историю, каждый раз по просьбе врача останавливаясь подробнее то на одном, то на другом. Бывали моменты, когда он готов был напасть на врача, лишь только для того, чтобы его перевели в разряд буйно помешанных и оставили бы наконец в покое. Из-за бесконечного пересказывания его история теперь утратила свой смысл, как теряет смысл любое слово, если начать твердить его без остановки. Так теряет свой смысл самый смешной анекдот, если после ключевой фразы приходится долго и обстоятельно объяснять его соль особо тупому слушателю.

Но даже не этот факт вызывал у него сейчас тоску и отчаяние – он вдруг ощутил, что уже и сам не знает точно, было ли все это на самом деле или нет. Призрак безумия распахнул над ним свои мрачные, серые крылья. Мир для него теперь все чаще расслаивался на отдельные фрагменты, дробился на осколки, которые никак не хотели потом собираться в реальную картину. В такие моменты он был бы рад исчезнуть, просто раствориться в пространстве... И сил сопротивляться этому у него уже почти не осталось.

Оставаясь вечерами в одиночестве в своей палате он пытался понять, проанализировать ситуацию. Почему все так закончилось? Наверно после разговора с Жоркой ему надо было все-таки сделать выводы. Но ведь после этого у него был еще разговор с тем следователем! И тот, в отличие от Жорки, безоговорочно поверил ему – каждому его слову! И при этом он совсем не был похож на сумасшедшего. Значит все же во всё это можно поверить нормальному человеку?

Но почему же он решил тогда, что если ему поверил следователь, то поверят и ТАМ? ТАМ хоть и работают живые люди, да только подход у них к любому вопросу немного иной, чем у людей обычных. Он-то, дурак, думал, что стоит ему прибежать и рассказать все, как тут же закрутится неведомый механизм, закипит невидимая работа. Нет, конечно на слово ему никто там не поверит, нужны будут факты. Но у него же был биоком!

Хотя нет, бикома-то, как выяснилось, тогда как раз у него уже и не было. Знал бы он это раньше, перед тем, как решил ТУДА пойти... Ведь это был его главный козырь, основной аргумент. Знал бы – наверняка было все сейчас иначе.

Нет. Что толку себя обманывать, иначе быть просто не могло. И не спроста его биоком пропал, непонятно только как...

...А он так привык к нему за ту фантастическую неделю! Просто как к своей собственной коже. Причем не просто коже – могущественному помощнику и защитнику! Даже и теперь, в этой клинике, он часто ловил себя на том, что ему по-прежнему кажется, будто эта удивительная живая оболочка, его «вторая кожа», все еще находится на нем.

Но хитрые даххи решили все по-своему. Операция закончена – и значит биоком ему больше не нужен. Фактически они «подставили» его в очередной раз, потому что именно биоком он и хотел в первую очередь использовать в качестве доказательства, в качестве подтверждения своего невероятного рассказа. Конечно они это прекрасно понимали и застраховались на этот случай. Вполне логично – цель достигнута, враг захвачен! Все. Изволь-ка сдать на склад, дикарь, временно выданный тебе инвентарь. Он невесело хмыкнул про себя – мысль неожиданно получилась «в рифму». Да, инвентарь у него забрали, и он даже не понял когда. А что он, собственно, ожидал?

Да и ладно, черт бы с ним, нет – так и нет! В конце концов не на одном же биокоме свет клином сошелся, хотя стоит признать, что это был самый несокрушимый его аргумент. Но был ведь еще тот оберег – пусть и помятый теперь, «прострелянный», однако вполне реаль-

ный. И наверняка какой-нибудь спектральный или изотопный анализ состава этой железки – как там, у этих ученых, это называется? – сразу же подтвердил бы, что не на Земле сработана эта вещь!

Но нет. Не поверили. И этому не поверили. И не проверили. Даже и делать ничего не стали. Просто упекли сюда и все. И вот теперь у него есть только эти нескончаемые «беседы», больше похожие на бесконечный, нудный допрос с перерывами на еду и отдых. Пожалуй, ему стоило бы им еще и спасибо сказать за то, что пыток пока нет.

Ребята те – это ведь не Жорик, им не скажешь: «Господа, извините великодушно, немного перегрелся я – сами видите какая жара стоит! Обещаю посидеть в холодильнике и как следует остыть. И не занимать впредь ваше драгоценное внимание всяческими глупыми рассказами». Нет, у этих ребят «за базар» принято отвечать. Вот он и отвечает теперь. День за днем, на одни и те же вопросы.

Ничем его здесь не кололи, никаких таблеток ему здесь не давали, хотя не исключено, что чем-то все же незаметно поили. Потому, что иногда ему все вдруг становилось «по барабану», в том числе и эти ежедневные беседы. В такие дни он не испытывал ничего кроме страшной усталости.

Он казался тогда самому себе неким гигантским моллюском и все, что было ему нужно в такие моменты – это сомкнуть поплотнее створки своей раковины и забыться в ее успокаивающей, исцеляющей темноте. И тогда он принимал свои провалы в безмыслие, как благо.

А иногда – бывало и такое – ему становилось невыносимо тоскливо и жутко. Он как будто превращался в этот момент в совершенно другого человека и тогда на какое-то мгновение начинал понимать, как нелепо и жалко выглядит он перед врачами – взрослый человек со своими глупыми, детскими сказками... Он готов был тогда сдаться, сказать: «Я болен. Помогите мне избавиться от этого бреда...» Но все проходило и он опять замыкался в себе, в своей раковине. Он почти потерял способность реально оценивать в эти моменты свое состояние.

И совсем редко на него наваливалась злоба. Он давился ей, наверно он был в этот момент близок к тому, чтобы убить. Кого угодно. Но что-то, какой-то малюсенький светлый островок в его сознании еще мог противостоять этому страшному, невидимому шторму, бушевавшему в такие моменты у него внутри, позволял ему бороться с этой необузданной волной звериной злобы. Первый раз, когда все прошло, и он, обессиленный, лежал на кровати, у него вдруг появилась мысль, что та тварь передала ему что-то в неистовой попытке вырваться из плена, часть своего сознания что ли... Не спроста такой испепеляющей, безумной злобой светились тогда все ее шесть глаз и не спроста он обратил на это внимание! Может и правда вселился в него тогда демон и вовсе не врачи ему теперь нужны, а хороший экзорцист? Может быть и черные эти провалы не что иное, как моменты, когда его телом, его мозгом и сознанием владеет та мерзкая тварь? Может быть поэтому он ничего и не помнит об этих моментах?

Он разрывался между этими странными своими состояниями, будучи не в силах не только справиться с ними, но и до конца разобраться в причинах. И внутренняя борьба эта постепенно истощала его. Для врачей же у него налицо было начинающееся расщепление личности, а с ним и всякие прочие, сопутствующие этому процессу, прелести шизофрении.

Он чувствовал себя булгаковским поэтом Бездомным, оказавшемся психиатрической лечебнице. «Шизофрения? Вы уж сами профессора об этом спросите...» – шелестел, казалось, в его голове воландовский голос. Ну, неужели сумасшедший дом – это удел всех, кто прикоснулся к неизведанному, таинственному и загадочному?

Иногда же, пусть и не часто и не надолго теперь, но к нему возвращалось прежнее его спокойствие. Полное, абсолютное, холодное. И способность мыслить нормально. Он на короткое время становился прежним собой, почти прежним. В эти моменты он отчетливо

понимал, что попал в ловушку, почти такую же, какую устроили – не без его помощи – даххи для той страшной твари.

Правда с небольшой разницей. Он, в отличие от этого монстра, мог двигаться. И это было для него еще ужаснее. Он мог двигаться, но это ничего ему НЕ ДАВАЛО, а лишь еще сильнее подчеркивало полную беспомощность его положения. Убедить в своей правоте он никого здесь не мог – для всех них он давно был просто душевнобольным пациентом. Убежать отсюда тоже было невозможно – двери тут запоров и ручек изнутри не имели, а окна, с небьющимся, в чём он имел уже возможность убедиться, стеклом, забранные снаружи красивой, ажурной, но весьма крепкой на вид решеткой, вообще не открывались. В этом просто и не было нужды – в каждой комнате воздух принудительно кондиционировался и вентилировался. Да и куда было ему бежать, даже если и предположить, что каким-то чудом ему удалось бы выбраться отсюда? И самое главное – зачем? Разве есть в этом мире кто-то, кто поверит ему, кто-то кому была нужна эта правда?

В минуты спокойствия его занимал и еще один вопрос, про который он потом забывал, проваливаясь в очередную пропасть черной тоски – почему же его никто не ищет? Ни Надя, ни его, пусть и немногочисленные, друзья, ни коллеги по работе. Вообще абсолютно никто! Это само по себе могло свести с ума...

Ну с Надей-то дело понятное – практически никакой информации друг о друге у них не было, и искать его в таких условиях для нее было все равно, что искать иголку в стоге сена. А вот со всеми остальными – совсем не понятно. Исчез человек – как его и не было. И что – так и надо? Так и должно быть?

Помнится, ему довелось размышлять об этом на Арсидахе – интересно стало, спохватится ли кто-нибудь, если он исчезнет, пропадет. И, помнится, были у него уже тогда на этот счет сомнения. И вот теперь, таким неожиданным образом, но он получил возможность узнать печальный ответ на этот вопрос.

Да, никто. Собственно он и тогда предполагал что-то похожее, но убедиться в этом было все же горько. Впрочем может быть он и ошибался – отсюда, из этой клиники-тюрьмы, ему, лишенному всяческих контактов с внешним миром, было трудно понять, оценить ситуацию. Но только даже если его и искали, то, судя по тому, что он продолжал пребывать в этом заведении, искали пока безуспешно.

Что было делать? Бастовать, объявлять голодовку или требовать встречи с представителями власти? «Я требую прокурора! – Конечно, конечно! Сестра, скажите: у нас Прокурор в какой палате лежит?» Хорошая комедия – «Кавказская пленница», что называется, на все времена...

Увы, ему оставалось только пролеживать себе бока на довольно удобной койке, читать и ждать, чем все это закончится. Он ведь не в тюрьме? За что его сюда уперли, что такого он сделал? Не будут же его держать здесь вечно? Или... Он старался гнать от себя такие мысли. Хорошо еще, что книги ему давали, правда тематику, похоже, контролировали. Но бесконечно так продолжаться не может, когда-нибудь должна же наступить развязка!

Он отложил книгу и в который уже раз начал вспоминать, как все тогда произошло...

* * *

...Руан тогда не удивилась его желанию, все было точно так же, как и на Арсидахе, когда он первый раз решил вернуться на Землю. Ну что ж – свободы его не лишали, и это уже было хорошо. Руан только сказала ему, что для безопасного возвращения им необходимо попасть на ту самую станцию Сети в одном из тоннелей московского метро, с которой все и началось. Так, мол, будет проще и незаметнее, поскольку они и так уже один раз серьезно нарушили режим скрытого пребывания на Земле – во время операции по пленению слага.

Поскольку это само по себе уже являлось, пусть вынужденным, но, тем не менее грубейшим нарушением внутренних инструкций, она больше не может, не имеет права рисковать.

И добавила, как всегда, что спасал их теперь от неминуемой расплаты на Арсидахе за этот просчет только лишь успешный исход всей операции, ставший возможным – естественно, а как же иначе! – исключительно благодаря его непосредственному участию... И так далее в том же духе.

На его вопрос где же все-таки располагается эта база, Руан дала ему такой пространственный и запутанный ответ, что в конце ее объяснения он уже смутно помнил, что же именно он у нее спрашивал. Ясное дело, что местоположение базы ему раскрывать не хотели.

Не доверяли? Скорее всего. В общем-то это было их право. Все что было им нужно – они от него получили. И теперь он опять стал для них самым обычным аборигеном, простым дикарем. Ну просится дикарь обратно, к себе – в такие привычные и милые его дикарскому сердцу джунгли, пусть идет. Почему бы его и не отпустить, коли больше не нужен?

И они вернулись. Знакомый округлый зал опорной станции выглядел так же, как и пару дней назад. Вот только когда он попытался «протянуться» за его пределы, чтобы нащупать «свой» поезд, вместо дельфиньего зренья на него неожиданно навалилась странная темнота. А потом он и вовсе перестал ощущать свое тело.

Это было немного похоже на первые секунды его «пробуждения» в корабле той твари. И назад вернуться уже не было никакой возможности. Правда длилось это странное состояние буквально несколько секунд – по крайней мере так ему тогда показалось. И когда наконец «включились» изображение и звук, то он обнаружил, что сидит на лавочке, на станции метро. Своего перехода в вагон он не помнил совершенно. Как, впрочем, и того момента, когда он вышел из него и уселся на эту лавочку. Странно.

Он посидел еще немного, пропустив один поезд, а потом поехал на ближайшую к Надиному дому станцию. И вот тут его ожидал еще один сюрприз. Нади дома не оказалось, хотя время было уже довольно позднее. Ситуация становилась интересной. Ну, нет девушки дома – само по себе это еще не трагедия. Но ключей от собственного дома у него с собой теперь не было – он прекрасно помнил, что оставил их в квартире, когда они пришли туда со следователем, чтобы договорить про всю эту историю, а заодно выпить по бутылочке пива. Он прекрасно помнил, что положил их на полку, под зеркало. Вероятно ключи так и остались там лежать, конечно если следователь, уходя, просто захлопнул за собой дверь.

Не исключено также, что он мог и запереть его квартиру, взяв ключи с собой. Но для него это сейчас существенного значения совершенно не имело – ведь кроме имени-отчества, больше о следователе он ничего узнать не успел, прервали их тогда, помнится, весьма неожиданно. Поэтому искать этого следователя по его имени-отчеству, да еще в полдвенадцатого ночи – затея совершенно пустая, просто сумасшедшая. Разве что завтра? Отделений милиции в том районе, где все это тогда произошло, и откуда, надо предполагать, прибыл к нему следователь, было не так уж и много, авось ему бы и повезло. Значит так тому и быть, завтра он займется его поиском. Завтра.

А на сегодня о собственной квартире придется забыть. Не ломать же в самом деле из-за этого дверь? Эх, надо было ему от Надиной квартиры ключи взять, она и сама предлагала! Но кто же знал – тогда они ни к чему вроде были – все равно без нее ему здесь делать нечего. Тем более, что вечером они и так должны были встретиться... Да вот не так все вышло, не сложилось. И торчит он теперь у нее под дверью, как школьник какой-нибудь и ломает голову над тем что делать дальше. Господи, какая пустяковина – ключи. И зачем они только нужны, если этим тварям поганым они вообще не понадобились, чтобы к нему в квартиру попасть! А вот он без них – никак.

Ладно. Не беда! Не зима в конце концов. Он пошарил в кармане. Хоть ключей от квартиры у него и нет, но зато у него имеются ключи от машины! А это тоже кое-что. Помнится,

в машине он уже как-то собирался коротать время – так значит сейчас как раз и настал подходящий момент, чтобы воспользоваться собственной старой «идеей». Он еще раз пошарил по карманам. Кроме ключей там нашлась какая-то бумажная мелочь. Он направился обратно к метро.

Уже спустившись на перрон он вдруг подумал про Жорку – может быть к нему двинуть? Машина машиной, но дом все равно лучше. А что – в конце концов сейчас, когда ему самому, похоже, ничего уже не угрожает, он может пойти к кому угодно, совсем уже не опасаясь, что накличет своим визитом беду на близких ему людей. Электронные часы над черным гулким зевом тоннеля, из которого слабо тянуло теплым, пыльным и каким-то искусственным воздухом, показывали уже без четверти двенадцать ночи.

Если сейчас он поедет к себе, то к Жорику уже точно не успеет. «Постой-ка, как это не успею? – спросил он сам себя. – Я же еду не куда-нибудь, а за машиной! И плевал тогда я на метро – куда захочу, туда и поеду. Видать совсем отупел я с этими инопланетянами. Вот только стоит ли к Жорке сейчас ехать? Может лучше к кому-нибудь еще?»

Он стоял на краю перрона, уставившись в белую кафельную стену станции и размышлял. «Да нет, пожалуй ни к кому другому тоже не стоит сейчас ехать. Ведь без объяснений – хоть каких – мне все равно не обойтись, да и время слишком позднее. Ничего себе будет сюрприз – заваливается мужик на ночь глядя, дайте переночевать! Но куда же тогда мне деваться? То слиги эти несчастные на «хвосте» у меня висели, а теперь и их вроде бы нет, так ведь все равно податься некуда – просто замкнутый круг какой-то получается! Блин, кажется, застрял я между двумя мирами, как этот... как цветок в проруби. Даже к себе домой попасть, и то не судьба».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.